

Наследники Образцовой на ярмарке тщеславия

Независимая

— 2003 — 5 сент. — с. 7

Кризис художественного пения в действии

Андрей Хрипин
Петербург–Москва

В Петербурге завершился Третий международный конкурс молодых оперных певцов Елены Образцовой.

По традиции не менее половины главных премий на петербургских вокальных ристалищах любой ценой должна обеспечить в свою копилку Академия Мариинского театра под руководством члена жюри Ларисы Гергиевой. К этому уже давно все привыкли. Наоборот, конкурсная публика стремилась отыскать как можно больше достоинств у наиболее спорного из лауреатов – Оксаны Шиловой, которая, будучи прирожденной и очень обаятельной опереточно-колоратурной инженером, на всех турах упорно пела репертуар из арсенала центрального сопрано, великоватый ей по размеру (Лукрецию Борджиа и «Сицилийскую вечерню» вместо Норины и Сюзанны). В результате очевидной диспропорции весовых категорий даже колоратурные пассажи (у певца подобного типа они просто обязаны бриллиантами отлетать от зубов) превращались в технический брак. Тем не менее – первая премия.

Явно завышенным решением показалось и присуждение Гран-при (10 тысяч в долларовом эквиваленте, в два раза больше первой премии) очень хорошему баритону с Украины, солисту московской «Новой оперы» Виталию Биому; хотя по большому счету этот эффектный певец – единственное серьезное открытие конкурса (в прошлый раз таким открытием стала Ирина Лунгу, только что поступившая в Академию при театре «Ла Скала», и, говорят, сам Мути заметил ее). Поживем – и увидим, как воспользуется нынешний победитель предоставленными ему дебютами в Мариинском и Большом театрах.

Справедливости ради стоит патристично заметить, что «москвичи» не подкачали на этом конкурсе – вторая премия и призы за лучшее исполнение немецкой песни и лучший иностранный язык (я услышал в заключительном концерте Серенату Шуберта – лучше бы не слышать) у солистки Музыкального театра Станиславского и Немировича-Данченко меццо Елены Максимовой, третья премия и приз Юрия Лужкова – у еще одного баритона «Новой оперы» Ильи Кузьмина. Опытная конкурсантка Максимова неожиданно получила и весьма символический во всех отношениях приз зрительских симпатий, который числила телерадиокомпания

и обладательница настоящего большого дыхания Сусанна Багамян из Еревана (Норма, Тоска) – на конкурсах любят более зубастых и вертлявых куколок. Но именно такие, как Багамян или Бакастова, на деле оказываются более перспективными в своем росте. Многих «зарезало» в третьем туре неумение петь с оркестром, хотя дирижер Павел Бубельников проявлял чудеса партнерского искусства.

Конкурс Образцовой не лучше и не хуже других. Дело ведь не в том, что его международная представительность ограничивается пока бывшими союзными республиками и Японией. И даже не в том, что по европейским меркам у него неплохой

му же сорвал себе связки в финале импровизации Андре Шенне. Мало в ком была божья искра камерного исполнительства. И увы – вокальный конкурс обречен предпочитать харизме школу, технику пения и спортивную выносливость.

Большинство конкурсантов не умеют соразмерить своих желаний и возможностей, мало кто имеет хороший иностранный язык и вообще дикиню в пении. Пение часто подменяется озвучиванием нот (дай бог, если чисто), а создание вокального образа – внешней активностью, не связанной с музыкой. Чаще всего люди выходили на сцену, не зная зачем, либо бойко торговали собой, вместо того чтобы петь.

Самое сильное впечатление на конкурсе производило его жюри, в которое Елена Образцова сумела вовлечь элиту мировой оперы – Джоан Сазерленд, Рената Скотто, Илеана Котрубас, Габриэла Туччи, Маквала Касрашвили, Ричард Бониндж, Джон Вустман... Ну, а выбирали из того, что есть, и, кроме того, были в гостях... Когда в паузе перед вторым туром Елена Васильевна бесконечно пестрым гала-концертом с кучей приглашенных артистов и парой-тройкой династических дочерей предвосхитила в Большом зале филармонии 40-летний юбилей творческой деятельности (в декабре 1963-го ее «вытолкнули» на сцену Большого театра в роли Марины Мнишек), то в минуты ее (и, пожалуй, Маквалы Касрашвили) магнетического присутствия становилось очевидно: вот настоящее, не подвластное времени (поскольку дело совсем не в свежести голоса). Но с другой стороны, королева права, беспокоясь поиском наследников – обидно ведь, если все это царство не достанется никому. Так что дискуссию о том, нужны ли конкурсы, отложим на следующий раз.

Конкурсанты бойко торговали собой, вместо того чтобы петь

«Петербург» (на прошлом конкурсе его удостоилась лучшая московская Джильда Екатерина Сюрица) – надо думать это заумно и тонко спетые частушки Варвары из колхозной оперы Шедрина «Не только любовь». Эта певица крепко знает и понимает, что она делает.

«Прокурненное» меццо Елены Веденева с первого взгляда кажется просто находкой для возрастных характерных партий вроде Бабахи или Шинкарки, но потом вдруг неожиданно обнаруживает в себе прямо-таки ртутную колоратурную подвижность, как в каватине Арзаце, – такую певицу важно правильно распознать, чтобы не испортить ей судьбу. Несмело, если говорить о сценическом императиве, пели очень правильная москвичка Анастасия Бакастова (Маргарита с жемчутом и Мими и, кстати, четвертая премия последнего конкурса Чайковского)

призовой фонд. Как и другие конкурсы, он, подобно современным докторам, ставит диагноз, но не способен вылечить. А диагноз нынешней вокальной ситуации (и не только в России) примерно таков. Хронический дефицит крупных драматических голосов словно бы поощряется театрами и дирижерами – в «Трубадуре» или «Норме» предпочитается любое легкое сопрано, которое в отличие от «тяжелой артиллерии» гарантированно «отоварит» всю колоратуру и верхние ноты. Неурожай теноров достиг масштабов стихийного бедствия. Как единичный слабый намек на что-то путное прозвучал на конкурсе легкий лирический тенор Чингиза Аюшева, только что принятого в театр к Александру Тителю, однако в третьем туре единственным тенором жюри предпочло видеть совсем другого – прямолинейного крикуна, который к то-